



дала от этого пения. Вообще я сама удивлюсь: другая бы постеснялась, отказалась от роли. Напасть какая-то. И опять в новом спектакле в театре петь приходится. Что делать, надо — и петухом закричишь.

— Но ведь это уже обычная практика — петь чужим голосом или, простите, под фанеру...

— В театре все надо уметь делать. Не умеешь — не играй. Петь чужим голосом ведь тоже неловко. И под фанеру. Танцую вот с удовольствием, ту же самбу в «Персидской сирени»... А ведь мама моя, актриса, прекрасно пела.

— Послевоенное время, жара, мама в душных кринолинах вынуждена переезжать с театром с места на место. А вы, глядя на эту кочевую жизнь, неужели хотели последовать ее примеру?

— Судьба часто решается в юности, а в юности человек несется по исповедимому или неисконфессуемому пути. Это сейчас уже можно взвешивать все «за» и «против», не советуясь ни с кем. Да и тогда не советовалась: мне казалось, взрослые ничего не понимают в жизни. По себе судят, а мою собственную душу не чувствуют и не знают.

— Актерство в результате к вам само собой прилипло — после проб на факультете журналистики, после ухода из института цветных металлов?

— Скорее всего, я стала актрисой вопреки. Какой-то вихрь закрутил — думать некогда было.

— Почему, интересно, вы до сих пор не написали книгу о себе?

— Не хочу, потому что писать по верхам то, что все и так знают — читать не будут. Открывать вещи интимные, иногда страшные, лично меня затронувшие, но никому не известные, не могу. Почти все те, с кем я прожила серьезные отношения в театре и в жизни, слава Богу, живы — боюсь кого-то обидеть, да моль наступить. Потом факты, даже подлинные, имеют одну особенность: с годами отношение к ним резко меняется. Иногда выясняется, что предатель не тот, которого всю жизнь ненавидел, а совсем другой — вот в чем ужас, понимаете. Время ставит знаки препинания.

— А быть заложницей ампула, до тридцати лет играть роли мальчиков-зайчиков и даже Снегурочку на елке

не получать, а только Ржавчину, как писал про вас Рязанов, — с этим можно смириться?

— Я же говорю, судьба. Каждый актер проходит послушание от первой точки до последней. Оно включает в себя и время, когда ты вдруг раскроешься (рано или поздно), и когда тебя заметит талантливый режиссер благодаря тому, что ты раскрылся. И вот это послушание на длительный срок, на всю жизнь, пока мы предаемся этому занятию. И у каждого свое время: Чулпан Хаматова рано вспыхнула и вспыхнула очень ярко. Есть актеры, очень поздно. Я из их числа: мне за тридцать было, когда в моей биографии появились Рязанов, Виктюк, Герман, Волчек. Видимо, еще нужна огромная работа над собой, чтобы взять новую планку, чтобы научить-

ся самоотдаче. Иначе или ровное увядание, или ровное процветание, либо вспыхнет однажды, а потом куда-то исчезнет. И неизвестно, куда делся актер: потом только узнаем, что в нищете, болезни, одинокий и всеми забытый, умер.

— Ваши знаменитые эпизоды как раз и отличаются глубиной. Вы наполнили своей судьбой Таню в «Иронии судьбы», Женщину с часами у Германа, Зою у Волчек?

— Я вам сразу скажу, если у актера в маленькой роли не заложено «нечто», нет такого актера, который сделает заметным пребывание героя на сцене или в кадре три-четыре минуты. И останешься пешкой, и будешь выносить и приносить мебель — «балет у воды» называется. Вот «Крутой маршрут» — не Бог весть какой текст, но там судьба Евгении

*Предлагаю поставить памятник полосатой сумке, как во Франкфурте монумент чиновнику — огромный галстук, завивающийся, эротичный*

